

М. Ф. МУРЬЯНОВ

Об идейной функции церковнославянизмов в ранних произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина

В назидательной речи героя щедринского рассказа «Гегемониев» (1859) должность станового пристава определена как «ни мало ни много, невещественных отношений вещественное изображение»^{*}.

Д. И. Писарев возразил, что эта фраза «ни к селу, ни к городу» и является заимствованием из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, где употреблена уместно^{**}. Так Адуев-племянник назвал колечко и прядь волос Софьи, залог их чистой любви: «Это, дядюшка, вещественные знаки... невещественных отношений»^{***}.

До настоящего времени щедринская фраза считается заимствованием из Гончарова^{****}, а ее смысл в сатирическом контексте рассказа остался необъясненным в комментарии к научному изданию «Невинных рассказов». Между тем идейная функция щедринской фразы очень важна для понимания главной мысли произведения.

Сатирик адресовался к тем из современников, кто был знаком с богословским языком и помнил юридическую конструкцию николаевского правления, восходящую к византийской симфонии — учению о сосуществовании церкви и государства. Для щедринского умирающего героя это была симфония земной и небесной иерархий, где земное изображало собой небесное. Читатель подталкивался к мысли, что Табель о рангах заслуживает такого же благоговения, как икона — святыня, перед которой совершают каждения и молитвенно падают ниц, чтя в ней, однако, не вещество ее, а изображенную

* М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т. 3, изд. «Художественная литература», М., 1965, стр. 11.

** Д. И. Писарев. Сочинения, т. 2, Гослитиздат, М., 1955, стр. 348.

*** И. А. Гончаров. Собрание сочинений, т. 1, Гослитиздат, М., 1952, стр. 45.

**** См.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т. 3, стр. 561.

невещественность. Концепция бюрократической государственности, враждебной народу, но освященной, стала предметом злого осмеяния. Речь идет как будто о прошедшем времени, о николаевской эпохе, воспитавшей Гегемониева. Много лет спустя, в «Пошехонской старине», писатель вернулся к этой мысли, оценивая русскую действительность 1840-х годов: «Жизнь того времени представляла собой запертую хранину, ключ от которой был отдан в бесконтрольное заведывание табели о рангах, и последняя настолько ревниво оберегала ее от сторонних вторжений, что самое понятие о “реальном” как бы исчезло из общественного сознания»*.

Намеком на «иконное» значение Табели о рангах подтекст рассказа не исчерпывается. В церкви имеется еще более высокая святыня — Евхаристия, «она есть сама Истина, “реальное” приобщение к телу и крови <Христовым>, т. е. непосредственная реализация на уровне бытия сферы сверхбытия»**. Щедринская сатира прикоснулась и к ней, совет Потанчикову поучиться уму-разуму у Гегемониева: «Так ты к нему сходи, да не *легковерно*, а со *страхом* и *трепетом приступи*» (здесь и далее курсив мой. — М. М.) сформулирован как пародия на литургический возглас в момент, когда раскрываются царские врата алтаря и выносятся св. чаша: «Со страхом Божиим и верою приступите!»*** Это — высшая минута культа, Тайное тайных; каждый причастник твердит мысленно слова присяги: «Не бо врагам Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда».

В языке рассказа «Гегемониев» много церковнославянизмов, звучащих как издевка. Под «вертоградом» (т. е. райским садом), который «изукрасился преестественно», подразумевается российское чиновное сословие, участники попойки носят фамилии выходцев из духовенства — Псалмопевцев, двое Воскресенских, трое Богоявленских, Матфий Скорбященский (от названия популярной иконы Богоматери Всех скорбящих радости), да и сам подьячий Гегемониев напоминает своим именем «воина игемона» из евангельского рассказа о смертном приговоре Христу, утвержденном игемоном Понтием Пилатом ради спасения собственной карьеры (Мф. 27, 23–27).

* Там же, т. 17, стр. 402.

** В. В. Бычков. Образ как категория византийской эстетики. В кн.: Византийский временник, т. 34. Изд. «Наука», М., 1973, стр. 165.

*** К. Т. Никольский. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907, стр. 448–449. Ср. псалом 2, 11: «Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом».

Историки русского свободомыслия еще не отмечали, что именно Салтыков-Щедрин первый превратил церковнославянизмы из признака высокого стиля в средство сатиры, сделал предметом насмешки святыню. Цензурная обстановка второй четверти XIX века в этом отношении как нельзя лучше характеризуется известным случаем, когда митрополит Филарет, сочтя за оскорбление святыни строку из описания Москвы в «Евгении Онегине»:

И стаи галок на крестах —

пожаловался Бенкендорфу. Но Салтыков-Щедрин уже в своей первой повести «Противоречия» (1847) решился на неслыханное.

В «богоспасаемом доме» помещика Крошина увольняют домашнего учителя без выплаты причитающихся ему денег. Разговор ведет хозяйка дома, молча присутствующий Крошин «только что помолился и, по-видимому, находился в периоде смиренномудрия». Псалом 103, воспевающий красоту мироздания («Дивны дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси!»), цитируется в сопровождении слов «при деньгах и на мир смотреть любезное дело». Потом учитель оказывается на хлебах «у некоего г. Вертоградова», который, «между нами будь сказано, происхождения не дворянского, как это достаточно показывает и фамилия его». Бессовестная кокетка Маша, вводя в искушение одного из героев повести, просит его: «Перекрести же меня»*.

В повести «Запутанное дело» (1848) сатирик продолжил насмешки. У Шарлотты Готлибовны Гетлих (от нем. göttlich — божественная), обрисованной крайне отрицательно, герой повести снимает комнату с окном, «выходившим на самую помойную яму»; жизнь в Петербурге изображена губящей все надежды на человечность окружающих, «куда же тут соваться с системою смиренномудрия, терпения и любви!»** Эти слова — кощунственная цитата из великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи Владыко живота моего», послужившей, между прочим, основой для философского стихотворения Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны» (1836).

Весной 1848 года напечатание обеих повестей было признано недосмотром цензуры, автора арестовали и сослали в Вятку, откуда он вернулся только после смерти Николая I. В 1857 году на основании перлюстрированного письма властям стало известно, что писатель

* М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т. 1, стр. 157–174.

** Там же, стр. 205–206.

намерен выступить с рассказом, высмеивающим бюрократию, и министр народного просвещения А. С. Норов тотчас предупредил секретным циркуляром цензурные комитеты, чтобы они обратили на это особенное внимание. Но 18 мая 1859 года цензура разрешила рассказ «Гегемониев» к напечатанию в газете «Московский вестник», «не обратив на него не только “особенного”, но и никакого внимания»*. Дело, однако, не столько в том, что «преобразование замысла ввело в заблуждение цензуру»**, сколько в изменении политической обстановки в стране.

Распоряжение министра продолжало по инерции то, что делалось при Николае I, когда малейшее посягательство на престиж церкви вызывало суровые репрессии. Николаевские уставы и инструкции, не будучи отмененными, быстро теряли фактическую силу в условиях первой русской революционной ситуации. В марте 1859 года либерал А. В. Никитенко, только что назначенный в Комитет по делам печати, записал в своем дневнике: «Да, да и да, я примирю Комитет с литературою и общественным мнением!.. Литературе может угрожать еще один сильный враг, против которого ей нужен союз с правительством, — это ретроградные, ультраконсервативные и обскурантские покушения духовных властей»***. Права печати отличались неопределенностью вплоть до появления «Временных правил для цензуры», утвержденных Александром II в 1862 году. А. С. Норов ушел в отставку в 1858 году, а Салтыков-Щедрин как раз перед напечатанием своего рассказа стал вице-губернатором, членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, «этой своего рода “академии бессмертных” в России»****.

Цензура руководствовалась не позапрошлогодней перепиской с бывшим министром, а новостями из Зимнего дворца. Прежде на богослужениях в дворцовом соборе Николай I присоединял свой красивый тенор к лучшему хору в мире, члены царской фамилии и придворные присутствовали обязательно — или получали высочайший выговор. Теперь наступила распущенность, «каждый мог запаздывать, пропускать службу по желанию, не будучи обязан никому отдавать отчета»*****. Еще ближе к москвичам был другой

* Там же, т. 3, стр. 561.

** Там же.

*** А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. 2. Гослитиздат, М., 1955, стр. 68, 70.

**** С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Изд. «Художественная литература», М., 1972, стр. 280.

***** А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. М., 1928, стр. 100–101.

факт. Главный монумент, завещанный ушедшим царствованием, — грандиозный храм Христа Спасителя — был подготовлен к росписи. Ее программа, утвержденная Николаем I в 1854 году, предусматривала «исполнить живопись храма в византийском стиле и притом строгого рисунка»*. Но у нового царя «сердце обладало инстинктом прогресса, которого его мысль боялась»**. После долгих проволочек роспись заказали живописцам, в большинстве своем не имевшим никакого отношения к православию, и она получилась такой, что ценители иконописи называли ее позором России.

В печать это, разумеется, не проникало, духовенство сохраняло многие ключевые позиции в политике, манифест об отмене крепостного права был составлен не кем иным, как митрополитом Филаретом, когда-то обжаловавшим стих «Евгения Онегина». О цензурном разрешении открытых насмешек над религией не могло быть и речи. Сатирик нашел новую грань дозволенного и подобрал двусмысленные выражения, осторожно нарушившие молчание легальной русской литературы.

* М. С. Мостовский. История храма Христа Спасителя в Москве. М., 1891, стр. 62–63.

** А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, стр. 83.